

Что такое Троица?

Ключевые вопросы

Р. Ч. СПРОЛ

Роберт Спрол

Что такое Троица?

Перевод с английского

Благая весть
Самара, 2024

УДК 252
ББК 86.376
С 74

R.C. Sproul
What Is Trinity?
Originally published by Ligonier Ministries
421 Ligonier Court, Sanford, FL 32771
ru.Ligonier.org
Translated by permission. All rights reserved

Переводчик: Р. Туренко
Научный редактор: А. Аубакиров
Верстка и дизайн обложки: М. Литвинова

Спроул Р.
С 74 Что такое Троица? : пер. с англ. / Роберт Спроул; Самара : Благая Весть, 2024. — 80 с.

ISBN 978-5-7454-1878-5
УДК 252
ББК 86.376

Цитаты из Библии, если не указано иное, даны по Синодальному переводу. Цитаты по изданию «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа» (пер. с греч. под ред. епископа Кассиана. М.: Рос. библ. о-во, 2001) помечены «Кассиан». Цитаты по изданию «Библия: Новый перевод на русский язык» (4-е изд. Б. м.: Международ. библ. о-во, 2014) помечены «НРП».

Originally published in English under the title:
What Is Trinity?
© 2011 by R.C. Sproul

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Монотеизм	5
Глава 2. Свидетельство Библии	19
Глава 3. Споры в ранней церкви	33
Глава 4. Бог един в сущности и троичен в лицах	51
Глава 5. Возражения против учения о Троице.....	61
Об авторе	75

Глава 1

Монотеизм

Концепция Троицы является критерием истины, неоспоримым параметром христианской ортодоксии. Однако на протяжении всей истории церкви она была источником разногласий и по сей день вызывает у людей много вопросов. Многие понимают ее очень неправильно.

По мнению некоторых, учение о Троице подразумевает, что христиане верят в трех богов. Это идея тритеизма, которую церковь категорически отвергала на протяжении всей своей истории. Другие видят в этом учении противоречие. Например, однажды я беседовал с человеком, имевшим докторскую степень по философии, и он возражал против христианства на том основании, что учение о Троице, лежащее в основании христианской

веры, представляет собой противоречивую идею о том, что один может быть также тремя. Очевидно, этот профессор не был знаком с принципом непротиворечивости, который гласит: «А» не может быть «А» и «не-А» в одно и то же время и в том же отношении. Когда мы исповедуем веру в Троицу, мы утверждаем, что Бог един в сущности и троичен в лицах (т. е. в Нем три личности). Таким образом, Бог един в плане А и троичен в плане Б. Если бы мы сказали, что Он един в сущности и троичен в сущности, вот это было бы противоречием. И если бы мы сказали, что Он един в личности и троичен в личности, это также было бы противоречием. Но как бы ни была загадочна Троица, возможно, даже за пределами нашей способности понять ее во всей полноте, само ее историческое определение не является противоречием.

Но прежде чем говорить о Троице, мы должны порассуждать о единстве, потому что слово «Троица» означает триединство. За понятием единства стоит библейское утверждение о монотеизме. В этом термине две части, образованные из греческих слов: *mono*, что означает «один единственный», и *theism*, что означает идею о существовании

Бога как разумного существа, управляющего миром. Таким образом, монотеизм — это представление о существовании только одного Бога.

Эволюция религий

Вопрос о том, является ли Библия единообразным выражением монотеизма, стал предметом споров в сферах религии и философии в XIX веке. Одним из самых влиятельных философов XIX века был Фридрих Гегель. Он разработал сложную и спорную философию истории, в основе которой лежала концепция исторического развития или эволюции. В XIX веке мыслители были озабочены концепцией эволюции не только в связи с биологией. Слово «эволюция» стало весьма модным в академическом мире и в научном сообществе того времени, и его использовали не только как определение для теории о развитии живых существ, но и в контексте политического устройства общества. Например, так называемый социальный дарвинизм понимал историю человечества как прогресс цивилизаций.

Последователи Гегеля также применили эти эволюционные идеи к развитию религиозных концепций. Они исходили из следующего предположения: все сферы мироздания, включая религию, развиваются по шаблону эволюции, который они видели в области биологии, то есть от простого к сложному. В случае с религией это означает, что все развитые религии произошли от простой формы анимизма. Термин «анимизм» (от лат. *anima* «душа») обозначает представление об одушевленности объектов, которые обычно считаются неодушевленными или неживыми — так, например, камни, деревья, тотемные столбы, статуи и так далее суть живые души, духи или личности.

Представление о первобытной религии как анимистической, казалось, было подтверждено учеными, исследовавшими первобытные культуры, дошедшие до наших дней. Ученые, отправлявшиеся в отдаленные уголки мира и изучавшие религии таких народов, обнаружили, что в них присутствуют сильные элементы анимизма. Таким образом, было сделано предположение, что все религии начинаются с анимизма и постепенно эволюционируют.

Некоторые ученые считали, что анимизм можно найти в Ветхом Завете. Они часто ссылались на библейский рассказ о грехопадении, когда Адам и Ева были введены в искушение змеем, имевшим характеристики личности (Быт. 3). Он мог рассуждать, говорить и действовать по своему изволению. Критики также ссылались на рассказ о Валааме, чья ослица обрела способность говорить (Числ. 22). Они утверждали, что это свидетельство того, что библейские авторы верили в существование некоего духа в ослице, так же как и в змее. Когда я учился в семинарии, я слышал, как один профессор сказал, что рассказ о встрече Авраама с ангелами у дубравы Мамре (Быт. 18) является подтверждением анимистических верований той эпохи. Тот профессор считал, что Авраам в действительности разговаривал с богами, жившими в деревьях. Однако в тексте Писания нет ни малейшего свидетельства того, что Авраам практиковал анимизм в какой-либо форме.

Те, кто придерживается эволюционного взгляда на религию, считают, что следующим шагом в этом процессе становится политеизм: представление о существовании множества богов. Политеизм был распространен у древних народов. В греческой,

римской, скандинавской и многих других религиях был бог или богиня почти для каждого вида человеческой деятельности: бог плодородия, бог мудрости, бог красоты, бог войны и так далее. Вы знаете об этом, если читали легенды и мифы древнего мира. Говоря иначе, люди верили, что существует множество богов, выполняющих различные функции в жизни человека.

После политеизма следует этап религиозного развития, называемый генотеизмом, который представляет собой некий гибрид между политеизмом и монотеизмом, так сказать, переходную стадию от одного к другому. Генотеизм — это вера в какого-либо одного бога среди многих (первая часть этого термина — греческое слова *heno*, означающего просто «один», без указания на единственность, как в слове *mono*). Идея в том, что для каждого народа или страны существует свой бог, и каждый такой бог правит определенной географической областью. Например, в генотеизме считается, что существует бог еврейского народа (Яхве), бог филистимлян (Дагон), бог ханаанеев (Ваал) и так далее. Однако эта точка зрения не утверждает, что в итоге существует только один бог.

Генотеистические народы признавали, что у других тоже есть свои боги, и часто рассматривали сражения между народами как битвы между их богами. Некоторые ученые находят эту идею в Ветхом Завете, потому что многие битвы, описанные в его книгах, изображаются как борьба Бога Израиля с Дагоном, Ваалом или другим языческим богом. Однако это не значит, что Израиль был генотеистическим народом.

Библия учит о монотеизме с самого начала

Исходя из своего предположения об эволюции, критики XIX века оспаривали утверждение о том, что Библия последовательно учит о монотеизме. Имели место продолжительные споры о том, когда монотеизм зародился в Израиле. Наиболее консервативные из тех критиков утверждали, что намеки на него появились во времена Авраама. Другие считали, что монотеизм зародился только при Моисее. Некоторые даже отвергали идею о том, что Моисей был монотеистом. Они полагали, что монотеизм начался только во времена

пророков, таких как Исаия, примерно в VIII веке до н. э. Некоторые были настроены еще более скептически, доказывая, что монотеизм возник только после вавилонского пленения израильтян, что делает его довольно поздним явлением в еврейской религии. Таким образом, ортодоксальной науке на протяжении более чем ста лет приходилось отстаивать учение Писания о единстве Бога.

Ортодоксальная аргументация настаивает на том, что монотеизм существовал от начала библейской истории. В самом первом стихе Писания мы читаем: «В начале сотворил Бог небо и землю». В библейском повествовании о сотворении мира говорится, что во владении Бога находится все Его творение, а не только то, что лежит внутри географических границ ветхозаветного Израиля. Бог властвует над небом и землей, сотворив их словом Своего повеления.

Критики часто отмечают, что в первых главах Писания на древнееврейском языке используются разные имена Бога — «Яхве» или «Элохим». Второе примечательно тем, что окончание «-им» является показателем множественного числа существительного, поэтому «Элохим» можно перевести

как «боги». Однако, хотя это слово и имеет окончание множественного числа, оно всегда употребляется с глагольными формами единственного числа. Поэтому автор Пятикнижия написал нечто такое, что нельзя истолковать как «боги». К тому же, как я уже отмечал выше, Бог открывается нам в первых главах Бытия как тот, кто владычествует над всем мирозданием. Поэтому я считаю, что те, кто думают, что имя Элохим намекает на многобожие, делают неверный вывод.

Когда мы переходим к 20-й главе Исхода, повествующей о том, как Бог дал людям Закон, мы видим, что первая заповедь, которую Бог дал на горе Синай, носила ярко выраженный монотеистический характер. Бог сказал: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (стих 3). Кто-то скажет, что этот стих свидетельствует о генотеизме — мол, Бог подразумевает, что *есть* другие боги, поэтому Его заповедь запрещает людям иметь других богов в приоритете перед Ним, то есть Он должен быть главным божеством в их жизни. Однако фраза «пред лицом Моим» на иврите означает «в Моем присутствии». Божье присутствие, конечно же, повсеместно; Он вездесущ. Поэтому, когда

Бог повелевает: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим», Он говорит, по сути, что если человек поклоняется чему-либо помимо Него, — живет ли он в Израиле, Ханаане, Филистии или где-либо еще — то это идолопоклонство, потому что есть только один Бог. А вторая заповедь, таким образом, подкрепляет первую своим полным запретом всех форм идолопоклонства.

Позже в Пятикнижии мы находим конкретное утверждение монотеизма. Оно содержится в «Шма», исповедании древнего Израиля о вере в единого Бога: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть» (Втор. 6:4).

В пророческих книгах мы часто видим риторику против ложных богов других религий. Эти боги рассматриваются не как конкурирующие божества, а как бесполезные идолы. Пророки высмеивают людей, поклоняющихся деревьям, статуям и другим предметам, сделанным их руками, как будто в деревянном столбе может жить разумное существо. Они постоянно выставляют нелепыми идеи анимизма и политеизма.

Эти утверждения монотеизма — поразительная особенность ветхозаветной веры, потому что

в древнем мире подобные заявления были редкостью. Большинство культур древности, о которых мы имеем исторические свидетельства, не были монотеистическими. Некоторые утверждают, что египтяне были первыми монотеистами из-за их поклонения Ра, богу солнца, но в монотеизме, который был присущ ветхозаветной вере, есть своя уникальность. Представление о том, что существует один Бог, прочно укоренилось в религии Израиля, что очевидно с самых первых страниц Ветхого Завета.

Если Бог един, как Он может быть троичен?

Именно из-за этого ясного библейского учения о монотеизме учение о Троице является столь проблематичным. Когда мы переходим к Новому Завету, мы видим, что церковь утверждает монотеизм, но при этом заявляет, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух суть одно Божество. Мы должны понимать, что различия в Божестве не относятся к Его сущности; они не означают фрагментации или разделения самого естества Бога.

Как же мы можем сохранить ветхозаветное учение о монотеизме в свете ясного новозаветного утверждения о триединстве Бога? Августин однажды написал: «Новый [Завет] в Ветхом [Завете] сокрыт; Ветхий в Новом раскрыт». Чтобы понять, как учение о Троице стало такой важной частью христианской веры, нам нужно увидеть, что понимание церковью Божьего естества развивалось на основе Писания. Изучая Писание, мы видим то, что в богословии называется «прогрессирующим откровением». Этот термин означает, что с течением времени Бог все больше и больше открывает людям Свой замысел искупления. Он все больше и больше раскрывает Себя через откровение. Тот факт, что откровение прогрессирует, не означает, что Бог открывает в Ветхом Завете что-то, что Он затем опровергает в Новом. Прогрессирующее откровение — это не корректив, когда последнее откровение Бога исправляет предыдущее, ошибочное откровение. Напротив, новое откровение основывается на том, что было дано в прошлом, расширяя то, что Бог уже сделал известным.

Поэтому мы не видим явного учения о триединном естестве Бога на первой же странице Писания.

Намеки на него есть уже в Ветхом Завете, но полной информации о триединстве Бога в Ветхом Завете нет. Это знание открывается позже, в Новом Завете. Мы должны проследить развитие этого учения на протяжении всей истории искупления, чтобы понять, что на самом деле говорится об этом в Библии.

Глава 2

Свидетельство Библии

Одним из ключевых вопросов, который пытались решить древнегреческие философы, была проблема «одного и многого».

Этому трудному вопросу уделялось большое внимание в ранней греческой философии. Философы задавались вопросом: как мы можем понять смысл столь многих вещей, составляющих наш жизненный опыт? Целостна или хаотична наша вселенная в конечном счете? Наука, например, предполагает, что для получения человеком знаний должна быть некая согласованность или порядок в мироздании. Таким образом, занимаясь научными исследованиями, мы исходим из предположения о существовании вокруг нас не хаоса,

а того, что Карл Саган называл «космосом». Это означает, что должно существовать нечто, придающее единство всему многообразию, которое мы наблюдаем во Вселенной.

Само понятие «вселенная» сочетает в себе понятия единства и разнообразия — это пространство с огромным многообразием, которое, тем не менее, едино.

Греческие философы пытались найти один источник как единства, так и многообразия. На мой взгляд, им это так и не удалось. Но в христианской вере все многообразие находит свое конечное единство в Самом Боге, и очень важно, что даже в самом Боге мы находим и единство, и многообразие — фактически, в Нем и есть конечное основание для единства и многообразия. В Боге мы находим одно существо в трех лицах.

В отличие от греков, у нас есть авторитетный источник наших убеждений в этой сфере — Писание.

В этой главе я хочу сделать краткий обзор библейского учения о Троице, показав, как это откровение постепенно раскрывается, начиная с Ветхого Завета и заканчивая Новым.

Разрозненные намеки в Ветхом Завете

Хотя мы не можем найти в Ветхом Завете прямого определения Троицы, мы встречаем там разрозненные намеки на триединое естество Бога. Один из таких намеков мы уже видели в первой главе — имя Бога, которое имеет грамматическую форму множественного числа — Элохим. Критики видят в использовании этого имени явный признак многобожия. Другие, однако, видят в нем скрытое указание на множественность личностей в Божестве, особенно если учесть, что существительное во множественном числе сопровождается глаголом в единственном числе.

Я не думаю, что слово «Элохим» обязательно указывает на Троицу. Это может быть просто известная литературная форма, авторское «мы», которую часто используют писатели, ораторы и высокопоставленные лица (монархи или папа римский), говоря от своего имени во множественном числе: «мы написали», «мы заявляем» или «мы постановляем». Более того, в иврите существует литературный прием, называемый «множественное усиление», который используют, чтобы привлечь

внимание к глубине существа Бога, в котором заключены все аспекты божественности и величия. Итак, я считаю, что имя Элохим совместимо с учением о Троице и, возможно, намекает на нее, но само по себе не требует вывода о триединой природе Бога.

В Ветхом Завете есть и другие важные намеки на Троицу. Также в рассказе о сотворении мира мы впервые встречаем упоминание о Духе Божьем (Быт. 1:2). Способность Духа создавать нечто из ничего соответствует одному из критериев божественности, изложенных в Новом Завете. Это еще один намек в самом начале Писания на то, что существо Бога включает в себя более одной личности.

Другой намек из Ветхого Завета, который цитируется в Новом Завете чаще, чем любой другой текст — Псалом 109:1. Псалмопевец говорит загадочные слова: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов твоих в подножие ног Твоих». Характерно, что в Ветхом Завете, когда мы встречаем Божье имя «Яхве», мы видим в связи с ним и Божий верховный титул — «Адонай». Например, в Псалме 8:1 говорится: «Господи, Боже наш! как величественно имя Твое

по всей земле!» На иврите «Господи, Боже наш» читается как «Яхве, Адонай наш», то есть здесь налицо прямая связь между «Яхве» и «Адонай». В Псалме 109:1, однако, Бог ведет беседу с Господом Давида: «Сказал Господь [Яхве] Господу [Адонай] моему: седи одесную Меня...» Новый Завет подхватывает эту мысль и говорит о том, что Иисус одновременно является сыном Давида и Господом Давида. Этот псалом также дает намек на множественность измерений Божественного существа, когда провозглашает, что Божий Сын будет «священником вовек по чину Мелхиседека» (ст. 4).

Монотеизм предполагается в Новом Завете

Когда мы переходим к Новому Завету, мы обнаруживаем, что концепции монотеизма, которые так прочно утвердились в Ветхом Завете, не только предполагаются в нем, но и повторяются снова и снова. Позвольте мне привести несколько примеров.

В Деяниях 17 записано обращение апостола Павла к философам в афинском Ареопаге. Мы читаем:

«И, став Павел среди ареопага, сказал: “Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу”» (ст. 22–23а). Когда Павел прибыл в Афины, он увидел город, погрязший в идолопоклонстве. Он проходил мимо многочисленных храмов и повсюду видел религиозную активность. Он даже заметил, что греки, словно боясь упустить из виду еще какого-нибудь бога, доселе им незнакомого, поставили алтарь с такой надписью: «Неведомому Богу». Когда он увидел все это, он «возмутился духом» (ст. 16); иными словами, его обеспокоило такое засилие ложной религии.

Одним из самых поразительных явлений, с которым я столкнулся во время учебы в магистратуре в 1960-х годах, были данные, полученные в результате работы теологических антропологов и социологов, изучавших религиозные взгляды различных примитивных племен. Они обнаружили, что, хотя в этих культурах внешне преобладал анимизм, люди часто говорили о боге по ту сторону горы или о боге, который был отдален от них. Другими словами, у них было представление о некоем высшем

боге, который не был в центре их повседневной религиозной практики.

Этот бог был подобен неизвестному богу греков, богу, с которым они не общались, но который, тем не менее, существовал. Эта концепция соответствует заявлению Павла в первой главе Послания к Римлянам о том, что Бог всей вселенной явил Себя каждому (ст. 18–20). Это означает, что каждый человек знает о существовании Всевышнего Бога, но греховная природа человека такова, что все мы подавляем и хороним в себе это знание, вместо Бога выбирая себе идолов. Вот поэтому все мы и виновны перед Богом.

Павел воспользовался случаем с тем алтарем афинян и обратился к ним с такой речью: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, *как бы* имеющий в чем-либо нужду, Сам давая всему жизнь и дыхание и все. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не

ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас, ибо мы Им живем и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: “мы Его и род”. Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (ст. 236–31). Здесь Павел утверждает основополагающий постулат классического иудейского монотеизма — веру в единого Бога, который создал все существующее и от которого все происходит.

Указания на триединство Бога

В 1 Коринфянам 8 Павел снова утверждает, что есть только один Бог, но привносит новый элемент в эту тему. Обсуждая пастырскую проблему, возникшую в коринфской церкви, относительно

употребления в пищу продуктов, принесенных в жертву идолам, Павел говорит: «О идоложертвенных *яствах* мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него. Итак, об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто и что нет иного Бога, кроме Единого. Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, — так как есть много богов и господ много, — но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (ст. 1–6).

Новым элементом здесь является то, что Павел приписывает божественность Иисусу Христу. Он проводит различие между Отцом и Сыном и отмечает, что все «из» Отца и «через» Христа («Которым все»), и что мы существуем «для» Отца и «через» Сына («и мы Им»). Очевидно, что Павел уравнивает Отца и Сына в плане их божественности.

В Новом Завете есть много мест, в которых приписывается божественность Христу и Святому

Духу. Их больше, чем я мог бы привести в этой главе или даже во всей брошюре. Тем не менее я процитирую некоторые из них, чтобы показать, что это учение есть в Новом Завете, и что оно ясно и понятно.

В Евангелии от Иоанна Иисус делает несколько заявлений, используя фразу «Я есмь»: «Я есмь хлеб жизни» (6:48), «Я есмь дверь» (10:7), «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (14:6) и другие. В каждом из этих высказываний в оригинальном, греческом тексте Нового Завета использована фраза *ego eimi* («Я есмь»). Этими греческими словами переводится с иврита основное имя Бога — «Яхве». Таким образом, Иисус, используя эту речевую конструкцию для обозначения Себя, приравнивает Себя Богу.

В 8-й главе Евангелия от Иоанна есть еще одно утверждение «Я есмь». Авраам был великим патриархом Израиля, отцом верующих, глубоко почитаемым в еврейском обществе времен Иисуса. Иисус сказал иудейским вождям, что Авраам возрадовался, увидев Его день (ст. 56). Когда же они спросили, как он мог видеть Авраама, Иисус ответил: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь»

(ст. 58). Он не сказал: «Прежде нежели был Авраам, Я был». Нет, Он сказал именно «Я есмь». Тем самым Он заявил о своей вечной сущности и божественности. Многие люди сегодня не замечают этот момент, но современники Иисуса в первом веке уловили довольно быстро, в чем суть Его заявления. Они исполнились яростью на Иисуса за то, что Он, простой на их взгляд человек, приравнивал Себя к Богу.

Евангелие от Иоанна также содержит интригующее повествование о явлении Иисуса некоторым из Его учеников после Своего воскресения из мертвых. При этом событии отсутствовал Фома. Когда же Фома узнал об этом, он сказал им: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (20:25). После этих слов Фомы Иисус явился ему и предложил ему проверить Свои руки и ребра (ст. 27). Иоанн не сообщает нам, действительно ли Фома исследовал раны Иисуса, но говорит, что Фома упал на колени перед Иисусом и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» (ст. 28). Это очень важно. В Деяниях рассказывается, что однажды люди были настолько

поражены чудесным исцелением, свидетелями которого они стали, что хотели поклониться Павлу и Варнаве как богам, но те сразу же запретили им это делать (14:11–15). В других местах Писания рассказывается о том, как некоторым людям являлись ангелы. Люди пытались им поклоняться, но ангелы запрещали им, говоря, что нельзя поклоняться им, потому что они тоже творения Божьи. Иисус же, напротив, принял поклонение Фомы, не упрекнув его. Он признал такое исповедание Фомы истинным.

Ясное утверждение Троицы

Самое ясное упоминание божественности Иисуса в Новом Завете содержится в начале Евангелия от Иоанна. Оно гласит: «В начале было Слово [греч. *Logos*], и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (1:1). В этом первом предложении мы видим загадку Троицы, потому что «Логос», как сказано, был «у Бога» («с Богом») с самого начала. Предлог, который используется здесь в греческом тексте, переведенный на русский как «у» или «с», придает

этой фразе такой смысл, который указывает на самые близкие отношения Логоса с Богом — в сущности лицом к лицу. Тем не менее Иоанн проводит различие между Логосом и Богом: они вместе, но они суть не одно и то же.

Затем Иоанн заявляет, что Логос не только был «с» Богом, но и «был Бог». Таким образом, по замыслу автора здесь Слово должно отличаться от Бога в одном смысле, а в другом смысле Слово должно отождествляться с Богом.

Апостол добавляет: «Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (ст. 2–4). Здесь мы видим вечное самосуществование и творческую силу, приписываемые Логосу, который есть Иисус.

В Новом Завете также говорится, что Святой Дух божественен. Мы видим это, например, в Иисусовой троичной формуле для крещения. По повелению Иисуса Христа люди должны быть крещены во имя Отца и Сына, и Святого Духа (Матф. 28:19). Подобно этому, заключительное благословение Павла во Втором послании к Коринфянам гласит:

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами» (13:13). Апостолы также говорят о соработничестве Отца, Сына и Духа в их труде по искуплению для Себя особого народа (2 Фес. 2:13–14; 1 Пет. 1:2).

В этих и многих других отрывках Нового Завета божественность Отца, Сына и Святого

Духа выражена явно или неявно. Если рассматривать их вместе с ясным учением Библии о единстве Бога, то можно сделать только такой вывод: существует один Бог в трех лицах. Это учение о Троице.

Глава 3

Споры в ранней церкви

Когда я учился в докторантуре в Голландии, профессор Г. К. Беркаувер читал годовой цикл лекций по истории ересей. Это был чрезвычайно ценный курс, потому что один из лучших способов изучить ортодоксию — это узнать ложные учения. На самом деле, в истории церкви ереси побуждали церковь быть точной в определениях и четко излагать свои доктрины, отличая истину от лжи. В ранней церкви возникали разные ереси, касающиеся лиц Божества, и эти ошибки подтолкнули церковь к уточнению ее понимания Троицы.

Почти каждая христианская община в мире сегодня согласна с утверждениями так называемых вселенских соборов, имевших место в церковной

истории. Двумя главными из них были Никейский собор в IV веке и Халкидонский собор в V веке. Стоит ознакомиться со спорами, которые привели к этим соборам, поскольку они были тесно связаны с естеством лиц Божества. Главный вопрос заключался в том, как библейская концепция монотеизма может быть согласована с библейскими утверждениями о божественности не только Христа, но и Святого Духа.

В предыдущей главе мы рассмотрели пролог Евангелия от Иоанна, где апостол говорит о Слове (Логосе), Которое было в начале, Которое было с Богом и Которое Само было Богом. Концепция Логоса была одной из главных забот христианской церкви в первые три века. Ряд церковных руководителей рассматривали Логос как второе лицо Божества. Эти ученые мужи явно двигались в направлении доктрины Троицы.

Однако другие ревностно отстаивали идею единства Бога. Это привело к разработке ряда богословских положений, которые впоследствии были признаны еретическими. Эти ошибки заставили церковь официально определить свое понимание Троицы.

Модализм и адопционизм

Одним из первых еретических движений, возникших в III и IV веках, было монархианство. Мало кто знаком с этим богословским термином, но корень слова вполне привычен — монарх. Когда мы думаем о монархе, мы представляем себе правителя государства, короля или королеву. Если мы разберем слово «монарх», то обнаружим, что оно состоит из двух греческих слов: *monos*, что означает «один, единственный», и *arche*, что может означать «начало» (например, в первом стихе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово»), а также «вождь или правитель».

Таким образом, монарх — это единоличный правитель, а монархия — это система правления одного человека. Монархианство, таким образом, было попыткой сохранить единство Бога, или монотеизм.

Первая великая ересь, с которой церкви пришлось столкнуться в отношении монархианства, называлась «модалистическое монархианство», или просто «модализм». Идея модализма в том, что все три лица Троицы суть одна и та же личность,

открывающая себя людям в истории разными, уникальными проявлениями или способами — модусами.

Модалисты считали, что изначально Бог был Творцом, затем стал Искупителем, а потом превратился в Духа в день Пятидесятницы. Божественная личность, пришедшая на землю в виде воплотившегося Иисуса, была той же самой Личностью, которая создала все существующее. Когда Он вернулся на небеса, то снова стал Отцом, а затем снова сошел на землю как Святой Дух. Итак, идея заключается в том, что существует только один Бог, но в разное время Он действует в разных проявлениях, или модусах.

Главным сторонником модализма был Савеллий. Согласно одному из античных авторов, Савеллий иллюстрировал модализм, сравнивая Бога с солнцем: как у солнца есть три проявления, — его форма, свет и тепло — так и по аналогии у Бога есть различные модусы: форма соответствует Отцу, свет — Сыну, а тепло — Духу.

Вторая форма монархианства называлась «динамическим монархианством», или «адопционизмом». Его приверженцы также стремились

сохранить монотеизм, придавая центральное значение личности Христа из почтения к Нему. Сторонники этого взгляда считали, что во время творения первым, что создал Бог, был Логос, после чего Логос создал все остальное. Таким образом, Логос выше людей и даже ангелов. Он Творец, и Он предшествует всему, кроме Бога. Но Он не вечен, потому что Сам был сотворен Богом, а значит Он не равен Богу.

Со временем, согласно адопционизму (от латинского *adoptio* «усыновление»), Логос воплотился в личности Иисуса. В Своем человеческом естестве Логос был един с Отцом, выполняя ту же миссию и достигая тех же целей. Он был послушен Отцу, и благодаря Его послушанию Отец «усыновил» Его.

Таким образом, Логос можно по праву называть Сыном Божиим. Однако Он стал Сыном Божиим динамически. Произошло изменение: Он не всегда был Сыном Божиим; Его сыновство стало результатом Его заслуг.

Те, кто отстаивал эту точку зрения, ссылались на такие библейские высказывания, как «[Он] есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой

твари» (Кол. 1:15). Они утверждали, что описание Христа в Новом Завете как «рожденного» подразумевает, что у Него было начало во времени, а все, что имеет начало во времени, меньше Бога, потому что у Бога нет начала. Короче говоря, они считали, что Логос подобен Богу, но Он не Бог.

Эти взгляды стали причиной первого из Вселенских соборов — Никейского, который собрался в 325 году. На этом соборе был выработан Никейский Символ веры, в котором утверждается, что Христос — «Единородный Сын Божий, рожденный от Отца прежде всех веков», и что Он «рожден, а не сотворен». Далее говорится, что Он «Бог от Бога, Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного... единосущный Отцу».

Этими утверждениями церковь заявила, что такие термины Писания, как «рожденный прежде всякой твари», имеют отношение к почетному месту Христа, а не к Его биологическому происхождению.

Церковь заявила, что Христос из одной ипостаси и сущности, что и Отец. Таким образом, была выдвинута идея о том, что Бог, хотя и троичен в лицах, един в сущности.

Монофизитство и несторианство

Никейский собор стал переломным моментом в истории церкви. По большей части он положил конец монархианству, но вскоре возникли два новых заблуждения относительно природы Христа. Одно из них проповедовал Евтихий. Он был первым, кто сформулировал монофизитскую ересь, которая, кажется, появляется заново в каждом поколении. Термин «монофизитство» состоит из двух слов: уже знакомого нам *mono* и *physis*, означающего «естество» («природа»). Таким образом, слово монофизитство буквально означает «учение об одной природе».

Вот уже двадцать веков как церковь утверждает, что Бог един в сущности, существе или естестве и троичен в лицах. Она утверждает прямо противоположное в отношении личности Христа, который, по ее учению, является единой личностью с двумя природами (естествами) — человеческой и божественной. Но Евтихий отрицал эту истину. Его монофизитское лжеучение заявляло, что у Иисуса была только одна природа — «теантропическая». Термин «теантропический» происходит

от греческих слов *theos* («бог») и *anthropos* («человек») и означает «богочеловеческий». Евтихий учил, таким образом, что естество Христа — «богочеловеческое» или «человекобожеское». Он явно отрицал наличие у Христа двух природ — человеческой и божественной.

На самом деле, монофизитская ересь рассматривает Христа не как Бога и не как человека, а как нечто большее, чем человек, и меньшее, чем Бог: Он предстает как некий обожествленный человек или очеловеченный бог. Таким образом, в этом учении затушено различие между человечеством и божеством.

Но церкви пришлось бороться не только с Евтихием и его монофизитской ересью, но и с противоположной ересью несторианства, названной так по имени ее автора, Нестория. Он учил, что один человек не может иметь два естества, а если есть два естества, то должно быть и две личности. Поэтому, раз уж Христос обладал и божеским, и человеческим естеством, значит в Нем сосуществовали божеская и человеческая личности. Это было искажением истины, противоположным монофизитству.

В несторианской ереси две природы Христа не просто различались, они были полностью разделены.

Проводить тонкие различия между понятиями — прерогатива богослова. В этом и состоит богословие. Поэтому я говорю своим студентам: «Одно из самых важных различий, которое вы когда-либо научитесь проводить, — это различие между различением и разделением». Мы говорим, что человеческое существо двойственно — у него есть физическое измерение и нефизическое, которое Библия описывает в терминах тела и души. Если я различаю тело человека и его душу, я не причиняю ему вреда, но если я отделяю его тело от души, то я не только причиняю ему вред, но и убиваю его.

Не понимая разницы между различением и разделением, Несторий, по сути, уничтожил библейского Христа.

Эта истина применима ко многим моментам толкования Библии. Например, Иисус иногда говорил, что Он чего-либо не знает. Богословы интерпретируют эти высказывания как свидетельство того, что человеческое естество Иисуса не

является всеведущим. Конечно, Его божественное естество — всеведущее, поэтому, когда Иисус говорил, что не знал чего-либо, Он тем самым проявлял ограниченность Своего человеческого естества. Точно так же ясно, что Иисус потел, голодал и был пронзен при распятии, но мы же не считаем, что Его божеское естество потело, голодало и было пронзено, потому что у него нет тела. Все это были проявления Его человеческого естества.

Поскольку у Иисуса два естества, то временами Он проявлял человеческую сторону Своей личности, а временами — божественную. Мы можем различать эти две стороны, не разделяя их. Но когда человеческое естество Христа осуществляло свои природные функции, оно все равно было соединено с божеским естеством, которое не имело их.

В истории церкви были и есть люди, утверждающие, что существует «передача» божеских атрибутов человеческому естеству. Это, по их мнению, позволяет физическому телу Христа быть более чем в одном месте в одно и то же время.

Пространственная локальность всегда принималась как одно из ограничений человека;

человеческое естество не может быть в трех местах одновременно. Однако человеческое естество может быть соединено с божеским естеством, которое *может* находиться в трех местах одновременно: например, в Лондоне, Бостоне и Пекине. Но исторически спор шел о том, может ли физическое тело Иисуса, принадлежащее Его человеческому естеству, находиться в трех местах одновременно, и некоторые говорили, что может, потому что Его божеское естество «передает» божеский атрибут вездесущности Его человеческому естеству. Одно дело, когда божеское естество передает человеческому естеству информацию; но совсем другое дело, когда божеское естество передает человеческому свои атрибуты. Подобная «передача» обоживает человеческое естество.

Эта истина, относящаяся к разделению двух природ Христа, играла очень важную роль на кресте. Человеческое естество умерло, но божеское не умерло. Конечно, во время смерти божеское естество было соединено с мертвым человеческим телом. Единение сохранялось, но произошло изменение — в человеческом, а не в божеском естестве. Это очень важно понять.

Халкидонский собор

Халкидонский собор собрался в 451 году, чтобы разобраться с ересями монофизитства и несторианства. Некоторые ученые утверждают, что Халкидонский собор завершил формулирование христологии, то есть с тех пор церковь уже не могла выйти за рамки того понимания личности Христа, которое было сформулировано на этом соборе. Я согласен с этим. Теоретически возможно, что в двадцать первом, двадцать втором или тридцатом веке может состояться другой собор, который даст нам новую грань в понимании естества Христова, которой у нас нет сейчас. Однако я не видел в истории церкви ничего, что выходило бы за рамки или раздвигало границы, установленные Халкидонским собором для нашего размышления о двух природах Христа.

На Халкидонском соборе было выработано следующее положение, известное как Халкидонское вероопределение: «Итак, следуя святым Отцам, все мы единогласно учим, что Господь наш Иисус Христос есть один и тот же Сын, один и тот же совершенный по Божеству и совершенный по

человечеству, истинный Бог и истинный Человек, один и тот же состоящий из разумной души и тела, единосущный Отцу по Божеству и тот же единосущный нам по человечеству, подобный нам во всем, кроме греха; рожденный от Отца прежде веков по Божеству, но Он же рожденный в последние дни ради нас и нашего спасения от Марии Девы и Богородицы по человечеству; один и тот же Христос, Сын, Господь, Единородный, познаваемый в двух естествах неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно; различие Его естеств никогда не исчезает от их соединения, но свойства каждого из двух естеств соединяются в одном лице и одной ипостаси так, что Он не рассекается и не разделяется на два лица, но Он один и тот же Сын Единородный, Бог Слово, Господь Иисус Христос; такой именно, как говорили о Нем пророки древних времен и как Сам Иисус Христос научил нас, и как передал нам Символ Отцов».

Это вероопределение примечательно по нескольким причинам. Во-первых, в нем утверждается, что Христос — «истинный Бог и истинный человек». Это утверждение означает, что Иисус Христос, в единении двух Своих естеств, является

одновременно Богом и человеком. Он обладает как истинным божеским естеством, так и истинным человеческим естеством.

К сожалению, многие люди, которые должны бы разбираться в этом вопросе, считают, что согласно Халкидонскому вероопределению Иисус был *полностью* Богом и *полностью* человеком. Но это противоречие. Если мы говорим, что Его личность полностью и всецело божеская, то у Него должно быть только одно естество. Личность не может быть полностью божеской *и* полностью человеческой в одно и то же время и в том же отношении. Эта идея абсурдна.

В действительности Халкидон утверждал, что Иисус обладает двумя естествами, одно из которых божеское. Его божеское естество — полностью божеское; оно не полубожеское, но полностью божеское. Оно обладает всеми атрибутами Божества и не лишено ни одного из них. В то же время человеческое естество Христа — полностью человеческое с точки зрения сотворенного человечества. Единственное, что есть у нас и чего нет у человеческого естества Иисуса, — это первородный грех. Иисус подобен нам во всех отношениях,

кроме греха. Он такой же человек, каким был Адам при сотворении. Все сильные и слабые стороны человечества присутствуют в человеческом естестве Иисуса.

Во-вторых, Халкидон известен, пожалуй, больше всего благодаря так называемым «четырем отрицаниям». Признавая совершенное единение божеского и человеческого естеств во Христе, собор заявил, что они соединены таким образом, что не сливаются, не изменяются, не разделяются и не разлучаются. Иными словами, Собор решил, что нельзя смешивать в одно два естества Христа; это было ересью монофизитов. Мы также не можем отделять их друг от друга; в этом заключалась ошибка несториан. Нет, два естества Иисуса соединены совершенным образом. Мы можем различать их, но не должны их смешивать или разделять. Мы не можем представить себе, чтобы человеческое и божеское естества в Нем были смешаны или изменены, так что в итоге получилось бы обожествленное человеческое естество или очеловеченное божеское естество.

Как видите, нам приходится балансировать между смешением и разделением естеств, если мы

хотим обрести здоровое понимание личности Христа. Я считаю, что некоторые из величайших умов в истории церкви, включая двух моих самых любимых богословов, были в основе своей монофизитами; по крайней мере, в их понимании Христа присутствовал элемент монофизитства. Я имею в виду Фому Аквинского и Мартина Лютера. У меня есть друзья-лютеране, и я всегда называю их «мои друзья-монофизиты». Они же называют меня своим «другом-несторианином», но я всегда им отвечаю: «Нет, я не разделяю два естества, я просто их различаю».

В-третьих, Халкидонское вероопределение утверждает, что «различие Его естеств никогда не исчезает от их соединения, но свойства каждого из двух естеств соединяются в одном лице и одной ипостаси». Другими словами, в Своем воплощении Бог не отказывается ни от одного из Своих атрибутов, а человеческое естество не лишается ни одного из своих атрибутов. Когда Иисус Христос пришел на землю, Он не отбросил Свое божеское естество. Он также не принял на Себя человеческое естество, которое было не истинно человеческим. В разгар споров мужи Божьи, собравшиеся

в Халкидоне, утвердили это понимание, и мы должны быть вечно благодарны им за это.

Говорят, что было четыре века, когда церковное понимание личности Христа подвергалось наибольшим нападкам — четвертый, пятый, девятнадцатый и двадцатый. Если это правда, то мы живем после двухсот лет разрушительных атак на ортодоксальное понимание церковью личности Христа. Вот почему в наши дни так важно вновь обратиться к концепции Троицы.

Глава 4

Бог един в сущности и троичен в лицах

Новозаветное Послание к Евреям начинается с волнующих слов о Господе Иисусе Христе и Его значении в постепенно раскрывающемся Божьем откровении. Мы читаем: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную [престола] величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя» (1:1–4).

Христология, которую мы находим в Послании к Евреям, чрезвычайно высока; на самом деле, это одна из главных причин, почему ранняя церковь была склонна утверждать божественность Христа. Здесь мы снова видим, что Христос описан как Сын Божий и как со-Творец с Отцом, который представляет собой гораздо более совершенное откровение, чем возвещали ветхозаветные пророки.

Но автор также обращает наше внимание на Сына Божьего как «сияние славы и образ ипостаси Его». Это явная ссылка на божественность Иисуса, но автор также отличает Сына Божьего от Отца с точки зрения понятия «личности» («лица»). Личность Отца выражается в личности Сына. Хотя и Отец, и Сын божественны, автор Послания к Евреям излагает здесь идею личностного различия в Божестве.

Использование термина «личность» («лицо») для различения Отца, Сына и Святого Духа может быть проблематичным. Ранняя церковь использовала слово «личность» («лицо») несколько иначе, чем мы это делаем сегодня. Это общая проблема языка — он динамичен. Его нюансы меняются из

поколения в поколение. Например, в эпоху королевы Елизаветы, если бы девушку назвали милой, это было бы оскорблением, потому что слово «милая»¹ в английском языке того времени означало «кривоногая», тогда как сегодня оно означает нечто совершенно иное.

Отец церкви Тертуллиан, имевший образование не только в области богословия, но и права, ввел в обиход латинский термин *persona* («личность, лицо») в попытке сделать более точной христологию Логоса первых лет церковной эры. В латинском языке времен Тертуллиана это слово использовалось в основном в двух значениях: «частное лицо» (например, в контексте имущества или собственности человека) и «персонаж» драматической постановки.

Иногда у актеров того времени было по несколько ролей в одной пьесе. Для своего лицедейства они использовали сценические маски. Когда актер менял свою роль во время спектакля, он надевал другую маску и становился другим персонажем или лицом.

¹ Cute — прим. пер.

В конце 1950-х годов на Бродвее был поставлен спектакль по пьесе, основанной на библейской книге Иова. Спектакль назывался «J. В.» и стал театральным хитом. В нем Бэзил Рэтбоун, известный по роли Шерлока Холмса в ряде фильмов, играл и роль Бога, и роль сатаны. Мне посчастливилось сидеть в центре первого ряда, и Рэтбоун стоял примерно в полутора метрах от меня. Во время спектакля у него было две маски, и когда он исполнял роль Бога, он надевал одну маску, а когда исполнял роль сатаны — другую.

Этот драматический прием восходит к использованию подобных масок в античности. Общепринятый символ театрального искусства — две маски: одна хмурая как символ трагедии, и одна улыбающаяся как символ комедии. Такие маски действительно часто использовались актерами на сцене в древности для соответствующих ролей, так же как Рэтбоун использовал их в том спектакле. Каждая роль актера представляла конкретного персонажа, а вместе его роли были его персонажами. Так ранняя церковь стала рассматривать Бога как единое существо с тремя личностями, «персонажами»: Отцом, Сыном и Святым Духом.

Термин «сущность»

По мере того как церковь развивала свое понимание Бога в течение первых пяти веков, в обиход вошли и другие термины, в том числе «сущность», «бытие» и «существование». Чтобы понять значение этих терминов, мы должны обратиться к греческому мышлению.

Уделом древних философов была метафизика — форма физики, выходящая за пределы того, что мы воспринимаем в этом мире. Греческие философы искали конечную реальность, то, что не подвержено изменениям. Они искали сущность вещей. Они называли ее *ousia*, что переводится как «бытие», «существование» или «сущность». Мы предпочитаем последний вариант.

Два философа, жившие до Платона, спорили о природе реальности. Один из них, Парменид, считавшийся самым выдающимся философом досократовского периода, известен своим высказыванием: «Что есть, то есть».

Он имел в виду, что для того, чтобы вещь была реальной, она должна находиться в состоянии бытия; она должна иметь реальную сущность. Если

этого нет, то она всего лишь плод нашего воображения.

Оппонентом Парменида был Гераклит. Некоторые называют его отцом современного экзистенциализма. Он говорил: «Что есть, то меняется». Он считал, что все вещи находятся в состоянии потока. Единственное, что неизменно, — это само изменение. Он говорил: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Он имел в виду, что если вы войдете в реку, а потом выйдете, то к тому времени, как вы войдете в нее снова, река уже изменится. Это уже не та река, в которую вы ступили в первый раз; она претерпела множество мельчайших изменений. По сути, и вы уже не тот человек, что был; вы тоже изменились, постарев хотя бы на несколько секунд. Итак, Гераклит сказал, что основой всей реальности, которую мы воспринимаем в этом мире, является то, что все находится в процессе изменения. Другими словами, все находится в процессе «становления».

Когда на сцену вышел Платон, он провел важное различие между бытием и становлением. Он говорил, что ничто не может стать чем-то, если сначала оно не участвует каким-то образом в бытии. Если

бы нечто было чистым становлением, оно было бы лишь потенциально чем-то. То, что просто потенциально — ничто. Платон полагал, что для того, чтобы становление имело смысл, должно существовать некое предшествующее бытие. Рассуждая о различии между бытием и становлением, Платон говорил о различии между сущностью (которая является «бытийным» элементом чего-то, его субстанцией) и существованием (которое является элементом «становления»).

Термины «экзистенция» и «субсистенция»

Философский термин «экзистенция» означает «существование». Латинское слово *exsistentia* состоит из приставки *ex*, означающей «от», и корня *sisto*, означающего «стоять». Таким образом, экзистенция буквально означает «отстояние, стояние вне чего-то». Это описание позиции или положения. Идея здесь, как мне кажется, в том, что человек одной ногой стоит в бытии, а другой — в небытии. То есть он «отстоит» от бытия, но он также

«отстоит» и от небытия. Он находится между чистым бытием и небытием, то есть в сфере становления или существования. Таким образом, когда церковь сформулировала доктрину Троицы, она не имела в виду, что Бог един в сущности и троичен в экзистенциях. Вместо этого она сказала, что Он троичен в лицах.

Однажды я читал лекцию, в которой публично отрицал существование Бога. Я сказал: «Сегодня я хочу решительно заявить, что Бог не существует. На самом деле, если бы Он существовал, я бы перестал в Него верить». Это прозвучало как полная бессмыслица. Но я просто имел в виду, что Бог не находится в состоянии существования, а значит и становления. Он находится в состоянии чистого бытия. Если бы Он находился в состоянии существования, Он бы изменялся — по крайней мере, в соответствии с тем, как этот термин используется в философии. Он не был бы неизменным, а значит, Он не был бы тем Богом, в которого мы верим.

Когда Платон разбирался с этими понятиями, то в основном выделял три категории: бытие, становление и небытие. «Небытие», конечно, является синонимом «ничто». Что же такое «ничто»?

Задать этот вопрос — значит ответить на него. Если я говорю, что «ничто» — это нечто, я приписываю «ничто» некий атрибут. Я говорю, таким образом, что у «ничего» есть какое-то содержание, что у «ничего» есть бытие. Но если оно обладает бытием, то это уже не «ничто», а нечто. Как видите, одно из самых сложных понятий в философии — это понятие чистого небытия. Попробуйте подумать о чистом небытии. У вас ничего не получится. Ближе всего я подошел к определению небытия, когда мой сын учился в младших классах. Он приходил домой из школы, и я спрашивал: «Что ты сегодня делал в школе?» Он отвечал: «Ничего». И я начал думать, что, возможно, смогу дать такое определение понятию: «ничто» — это то, что мой сын делал в школе каждый день. Но в действительности делать «ничто» невозможно. Делать «ничто» все равно значит делать что-то.

Рассмотрим теперь другое философское понятие — «субсистенция». Оно означает несколько иной вид существования и имеет отношение к понятию «личность, лицо». В этом латинском слове *subsistentia* с тем же корнем *sisto* используется приставка *sub-* («под»), поэтому субсистенция

буквально означает «стояние под чем-то». Таким образом, это слово выражает идею о том, что, хотя Бог един в сущности, в Нем есть три субсистенции, три лица, которые «стоят под» сущностью. Они являются и частью сущности. Все три лица обладают сущностью Божества.

Тем не менее мы можем провести различие между тремя лицами Троицы, потому что каждое из них обладает уникальными божественными атрибутами. Мы утверждаем, что Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог, но мы не говорим, что Отец есть Сын, Сын есть Святой Дух или Святой Дух есть Отец. Между ними есть различия, но эти различия не сущностные, то есть они не относятся к сущности Божества. Они реальны, но не нарушают Его единой сущности. Различия лиц внутри Божества — это, если можно так выразиться, «под-различия» внутри Его сущности. Итак, Бог есть одна сущность и три субсистенции. Вряд ли мы можем сказать что-либо еще, пытаясь точнее выразить историческое учение о Троице.

Глава 5

Возражения против учения о Троице

Пожалуй, самое последовательное возражение против учения о Троице заключается в том, что оно иррационально, поскольку содержит в себе противоречие. Как я уже отмечал в первой главе, называть Троицу противоречием значит неправильно применять закон непротиворечия. Учение о Троице гласит, что Бог един в сущности и троичен в лицах, поэтому Он един в одном смысле и троичен в другом, и это не нарушает ни принцип рациональности мышления, ни закон непротиворечия. Тем не менее люди продолжают обвинять эту доктрину в иррациональности. Почему люди с таким постоянством выдвигают это обвинение?

Есть три конкретных понятия, которые нам необходимо уяснить и разграничить: парадокс, противоречие и тайна. Хотя эти понятия заметно отличаются друг от друга, они тесно связаны, поэтому их часто путают.

Начнем с термина «парадокс». В этом греческом слове приставка *para* означает «несмотря на», а корень происходит от *dokeo*, что означает «казаться». Таким образом, парадокс — это то, что кажется противоречивым на первый взгляд, но, несмотря на это, является реальностью, и при дальнейшем исследовании противоречие разрешается. В Библии есть много парадоксальных высказываний.

Например, Иисус сказал: «Больший из вас да будет вам слугою» (Матф. 23:11). На первый взгляд, это звучит противоречиво, но при ближайшем рассмотрении мы видим суть: чтобы быть великим в одном смысле, нужно быть слугой в другом смысле, так что здесь нет никакого нарушения правил логики.

Гораздо больше трудностей возникает, когда мы сталкиваемся с тайнами и противоречиями. Мы используем термин «тайна» для обозначения

того, чего еще не понимаем. Мы можем верить, что какая-либо тайна истинна, но не понимать, почему она истинна.

Например, мы знаем, что существует гравитация, но сущность гравитации остается для нас чем-то вроде тайны. Даже такое элементарное явление, как движение, которое мы замечаем и используем каждый день, не поддается анализу. Если посмотреть на это с философской точки зрения, мы должны отметить, что в движении есть таинственный элемент, и то же самое верно для многих других вещей, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни.

Раскрытие тайны

Иногда, по мере получения новой информации, мы раскрываем то, что раньше казалось нам тайной. Мы наблюдаем в истории настоящий прогресс знания в различных научных дисциплинах. Но даже если мы увеличим наши знания до максимального уровня, доступного человеческому опыту, мы все равно останемся ограниченными

существами, не способными постичь реальность полностью.

Бог открывает нам много истин о Себе, которые мы не в состоянии понять. Учитывая разницу между величием Бога-Творца и тварностью человека, эта трудность не должна нас удивлять.

Возможно, мы придем к более глубокому пониманию многих из этих таинственных истин в какой-нибудь момент истории искупления. Но и тогда мы не сможем полностью понять некоторые истины.

Итак, нечто является для нас тайной, если мы не понимаем это. Тайна не то же самое, что противоречие, хотя и противоречие никто не понимает. Именно сходство этих двух понятий и наводит на мысль о том, что Троица — это противоречие. Мы можем поспешить с выводами и решить, что если мы чего-то не понимаем, то это должно быть иррационально или противоречиво. Но это не обязательно так. Действительно, противоречия невозможно понять, потому что они по своей сути не поддаются объяснению, но не все, что кажется противоречием, является таковым. Некоторые кажущиеся противоречия являются тайнами.

Когда я учился в семинарии, однажды я услышал, как один профессор сказал, наморщив лоб и снизив тон: «Бог абсолютно неизменен в Своей сущности и абсолютно изменчив в Своей сущности». Студенты дружно вздохнули, как будто все они подумали: «Какая глубокая мысль!» Я же хотел сказать: «Нет, это бред, это безумие!» Но если у вас достаточно образования, и вы занимаете авторитетное положение в академическом мире, вы можете делать бессмысленные заявления, так что создадите у людей впечатление о себе как о человеке глубокомысленном. Но это глубочайшая бессмыслица — заявлять, что Бог абсолютно неизменен и абсолютно изменчив в одно и то же время и в том же отношении. Даже человек, имеющий все ученые степени в мире, не сможет понять смысл этого утверждения. Подобное утверждение и есть настоящее противоречие.

Может ли Бог понимать противоречия?

Некоторые люди говорят, что разница между Богом и человеком в том, что в то время как наш

разум ограничен законами логики, разум Бога превосходит законы логики, поэтому Он может понимать что-то как «А» и «не-А» в одно и то же время и в том же отношении. Наверное, они считают, что возвеличивают Бога, говоря, что Он настолько высок в Своем интеллекте и настолько трансцендентен в Своей мудрости, что способен понимать противоречия. На самом деле те, кто говорит подобные вещи, клеветают на Бога, поскольку утверждают таким образом, что в Божьем разуме существуют бессмыслица и хаос, а это не так.

Действительно, есть вещи, которые мы не понимаем, которые для нас загадочны, но Бог может легко понять их со Своей точки зрения и благодаря Своему всеведению. Для Бога не существует тайн. Он понимает гравитацию, движение, конечную реальность и бытие. Точно так же для Него нет противоречий, потому что Его понимание совершенно и согласованно.

Тот факт, что Христос имеет два естества, безусловно, является для нас тайной. Мы не в состоянии понять, как человек может иметь одновременно божеское естество и человеческое. У нас нет точки отсчета для этого в нашем человеческом

опыте. У каждого человека, которого мы когда-либо встречали, было только одно естество. Когда мы утверждаем два естества Христа, мы утверждаем нечто уникальное для Него, нечто отличное от обычного человеческого опыта. Это трудно даже описать. Как мы видели в предыдущей главе, Халкидонский собор провозгласил, что божеское и человеческое естества во Христе не сливаются, не изменяются, не разделяются и не разлучаются. Эти утверждения всего лишь поясняют, как два естества во Христе *не* соотносятся друг с другом. Однако мы не можем определить, каким образом два Его естества функционируют вместе.

Точно так же, рассматривая учение о Троице, мы говорим, основываясь на откровении Писания, что Бог в одном смысле един, и в другом — троичен. Мы должны быть осторожны в выражениях и подчеркивать, что эти два смысла суть не одно и то же, иначе получится противоречивое утверждение, недостойное нашей веры. Но в нашем утверждении два разных смысла, и поэтому учение о Троице не противоречие, а тайна, ведь мы не можем до конца понять, как один Бог может существовать в трех лицах.

Использование слова «Троица»

Еще одно возражение, которое часто выдвигают против учения о Троице, — это то, что во всей Библии не найти слово «Троица». Действительно, это внебиблейский термин. Некоторые заявляют, что этот термин навязан тексту Писания, и поэтому он является вторжением в гебраистский менталитет авторов Писания извне библейского контекста. Они утверждают, что это понятие является внедрением абстрактных греческих категорий в новозаветное христианство. Мы постоянно слышим подобные комментарии, как будто Святой Дух не мог использовать греческий язык для передачи нам истины. На самом деле это не так, потому что большая часть Нового Завета была написана на греческом языке. У богословов и философов порой больше претензий к греческому языку, чем у Бога.

Но вот вопрос, который мы должны задать: существует ли в Библии понятие, обозначаемое словом «Троица»? Это слово — лишь лингвистическое выражение учения Писания о единстве Бога в трех лицах. Находя эти понятия в Писании,

христиане должны были подобрать и слово, которое бы точно передавало их. Так был принят термин «Троица». Наивно возражать против учения о Троице на том лишь основании, что этот термин не встречается в Писании, тогда как Писание на самом деле учит о Ней.

Такие богословские термины как «Троица» возникали в истории церкви в основном из-за ее приверженности богословской точности. Жан Кальвин в своей книге «Наставления в христианской вере» заметил, что такие слова как «Троица» появились из-за того, что он называл «скользкими змеями», которые пытаются исказить учение Писания ересью. Излюбленный прием еретиков — так называемая ученая двусмысленность, то есть такой способ выражения своих идей, при котором понятия намеренно оставляют двусмысленными. Для борьбы с этой тактикой необходима богословская точность.

Протестантская Реформация XVI века представляла собой контраст между ученой двусмысленностью и богословской точностью. Главный вопрос Реформации касался оснований нашего оправдания. Основано ли наше оправдание на праведности,

которая внутри нас, или на праведности, которая нам вменяется? Иными словами, наша праведность исходит из нас самих или из Христа? Спор по сути сводился к одному понятию — «вменение». Реформаторы возражали против римско-католического учения, утверждая, что единственным способом оправдания человека является вменение или зачетение ему праведности Иисуса Христа.

Пытаясь достичь согласия двух спорящих сторон, многие предлагали им просто сойтись на такой формулировке: «Мы оправданы Христом». Эти люди считали, что раз и римские католики, и протестанты согласны с тем, что верующие оправданы Христом, то можно всем христианам взяться за руки, вместе петь гимны, молиться и общаться. Это предложенное ими утверждение было настолько двусмысленным, что с ним могли согласиться и те, кто верит, что люди оправдываются вливанием в них праведности Иисуса, и те, кто верит, что они оправданы вменением праведности Иисуса.

Однако эти два взгляда на оправдание так же далеки друг от друга, как восток от запада. Можно было избежать споров и устранить разделение

между христианами, используя формулировку, которая намеренно двусмысленна, утверждение, которое может быть истолковано абсолютно по-разному. Но протестанты настаивали на термине «вменение», даже ценой раскола.

Ценный шибболет

Церковь также использовала термин «Троица», чтобы затыкать рты еретикам — тем, кто учил три-теизму (представление о существовании трех богов), и тем, кто отрицал три лица в Боге, настаивая на некоем унитарном взгляде. Можно сказать, что слово «Троица» — это шибболет. В Книге Судей рассказывается о конфликте между жителями Галаада, возглавляемыми Иеффаем, и Ефремлянами. Чтобы опознать врага, галаадские воины требовали от незнакомцев произнести слово «шибболет». Ефремляне не могли выговорить это слово, и это выдавало их (Суд. 12:5–6). С тех пор слово «шибболет» стало термином, означающим проверочное слово, по которому можно определить истинную принадлежность человека.

Во время Второй мировой войны в Голландии, находившейся в немецкой оккупации, у местных жителей тоже был свой шибболет. На побережье Голландии есть курортный городок Схевенинген. Немцы просто не могли произнести это название правильно. Они могли как-то говорить по-голландски и выдавать себя за голландцев с целью шпионажа, но, если их просили произнести слово «Схевенинген», они прокалывались. Так это слово стало для голландцев шибболетом, который помогал им выявлять немецких шпионов.

Несомненно, Церковь должна использовать определенные слова в качестве шибболетов, чтобы заставить людей раскрыть свою позицию по тем или иным вопросам.

Джеймс Пакер определил один из таких шибболетов — «безошибочность». Если вы хотите выяснить, как человек относится к Библии, вам не следует спрашивать его, верит ли он в богодухновенность Священного Писания. Вы должны спросить: «Верите ли вы в безошибочность Писания?», потому что многие люди скорее подавятся этим словом, прежде чем произнесут его в утвердительном смысле.

Троица — это очень хорошее слово, которое точно выражает то, во что церковь верит и что исповедует на протяжении всей своей истории. Мы должны без колебаний использовать его и другие подобные слова, чтобы как можно точнее установить стандарт истины.

Об авторе

Доктор Роберт Спрол был основателем служения «Лигоньер», пастором-основателем церкви Святого Андрея в Санфорде, штате Флорида, первым президентом Библейского колледжа Реформации и исполнительным редактором журнала Тейблток. Его радиопрограмма «Обновление вашего разума» по-прежнему ежедневно выходит в эфир на сотнях радиостанций по всему миру, ее также можно слушать онлайн. Доктор Спрол был автором более ста книг, в том числе книг «Святость Бога», «Избранные Богом» и «Каждый человек — богослов». Получил признание во всем мире за свою внятную защиту непогрешимости Писания и необходимости Божьему народу с убежденностью стоять на Его Слове.

БИБЛИОТЕКА
ЛИГОНЬЕР

«Лигоньер» — это международное служение, посвященное христианскому ученичеству, которое было основано Робертом Спролом в 1971 году. Миссия «Лигоньер» — возвещать, разъяснять и защищать учение о Божьей святости во всей его полноте среди всех народов. Логотип «Библиотека Лигоньер» стал знаком доверия во всем мире и на многих языках.

Руководствуясь Великим Поручением, «Лигоньер» издает ресурсы для ученичества по всему миру в печатном и цифровом форматах. Вы можете найти наши проверенные книги, статьи и видео уроки, которые были переведены на более чем 50 языков. Мы желаем служить Церкви Иисуса Христа, помогая христианам лучше понять, во что они верят и на чем основывается их вера, а также как им жить согласно своей вере и как делиться ей с другими.

RU.LIGONIER.ORG

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Издательство «Благая весть»

Любовь к чтению Слова Божьего и полезной духовной литературы — добрая традиция нашего братства с первого дня его основания. Мы молимся и трудимся для того, чтобы верующие церковей бывшего Советского Союза имели желание и возможность регулярно чи-

тать полезные христианские книги наряду с изучением Библии, чтобы они имели доступ как к богатому духовному наследию мужей веры минувших веков, так и к трудам современных христианских авторов.

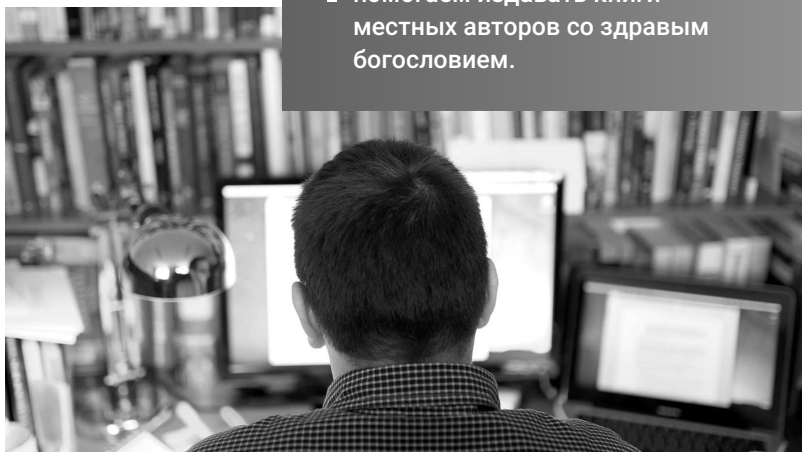

Канал
издательства

Чтобы вы через чтение книг
больше познавали Бога, мы:

- подбираем лучшие книги, доступные на русском языке;
- переводим новые книги по еще мало освещенным вопросам;
- помогаем издавать книги местных авторов со здоровым богословием.

Книжный интернет-магазин Legere.ru

Цель книжного служения: обеспечить христиан хорошими печатными ресурсами, чтобы помочь им расти как в личном благочестии, так и в развитии своих навыков в служении.

- Цены: желание сделать книги максимально доступными.
- Содержание: строгий подход к выбору книг, сфокусированных на Боге и Его Слове.
- Сервис: удобный для посетителей сайт, простой заказ книг.

Программа «Снаряди пастора»

Цель программы: помочь русскоязычным пасторам и молодым служителям лучше подготовиться к служению через чтение хороших христианских книг.

Мы хотим помочь пасторам, которые ценят чтение книг, но имеют ограниченный бюджет на их покупку, а также студентам христианских учебных заведений, которые стремятся стать пасторами. Как участник программы «Снаряди пастора» Вы будете бесплатно получать по 1–2 книги в месяц в течение 18 месяцев. Мы надеемся, что эти книги заложат фундамент Вашей личной библиотеки и помогут сформировать культуру чтения хороших христианских книг в церквях.

Условия участия: надо верно читать полученные книги и присылать краткий отчет об одной из прочитанных книг 1 раз в квартал.

Что такое Троица?

Согласно Библии, Бог — это одна сущность в Трех Лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Несмотря на то, что Библия ясно говорит о Троице, это учение подвергалось нападкам на протяжении всей истории церкви, и вызывает у многих людей вопросы и сегодня.

В этой брошюре доктор Роберт Спрол знакомит читателей с Троицей и опровергает распространенные ошибочные мнения. Хотя мы не можем понять Троицу в полноте, само ее историческое определение не является противоречием. Более того, учение о Троице играет основополагающую роль в понимании природы Бога.

Серия брошюр доктора Спрولا «Ключевые вопросы» предлагает краткие ответы на важные вопросы, которые часто задают христиане и вдумчивые ищущие люди.

Доктор Роберт Спрол был основателем служения Лигоньер, пастором-основателем церкви Святого Андрея в Санфорде, штате Флорида, и первым президентом Библейского колледжа Реформации. Написал более ста книг, в том числе известный труд «Святость Бога».

